

Из сезона в сезон через Днепропетровск, Киев и Ленинград

Сейчас Русский драматический театр находится в Ленинграде. Гастролирует — и не в каком-нибудь окраинном дворце культуры, как это бывало прежде, а в самом центре города, в помещении театра им. Комиссаржевской.

Прошлый сезон закончился гастролями в Днепропетровске и Киеве. Нынешний начался гастролями в Ленинграде. Так что в октябре, открывая сезон на стационаре, театр предстанет перед своим зрителем, что называется, на ходу: уже войдя в ритм повседневной работы и, будем надеяться, пополнив репертуар: режиссер из Тулы Александр Литкенс сейчас ставит спектакль по повести Василия Шукшина «А поутру они проснулись...».

Из прошлого сезона в нынешний театр переходит главным, продолжая ту линию, которую наметил и развивает художественный руководитель, заслуженный деятель искусств РСФСР Григорий Михайлов. Линию на сотрудничество с разными по творческой манере и все же в главном вписывающимися в художественное направление театра постановщиками. Линию на хорошую драматургию

Судя по репертуару ленинградских гастролей, у театра за один сезон сложился тот «джентльменский набор», с которым не стыдно выйти к любому зрителю — что своему, что «чужому». Эти четыре постановки, действительно, изменили облик театра и повысили его средний уровень, а две из них — «Кот домашний» средней пушистости В. Войновича — Г. Горина в постановке Г. Михайлова и мольеровский «Тартюф», поставленный ленинградцем Юлием Дворкиным, — просто хороши. Это не значит, что две остальные — «Лолита» В. Набокова — Э. Олби в постановке Михаила Морейдо и «Прикосновения и слияния» по мотивам комедии Марииво «Спор», поставленные словацким режиссером Романом Полаком, — слабы, просто у каждой работы свое место. Есть вершины, а есть рядовые (в хорошем смысле) спектакли, обеспечивающие уровень профессионализма. И вторые не менее важны, чем первые. Может, даже больше. Потому, что и в прошлом Русский театр не раз выпускал великолепные спектакли (вспомним хотя бы «Менюго беса» Федора Со-

логуба, поставленного тогда пользовавшимся слегка сомнительной репутацией, а ныне прославленным, «выездным», облаканным и... работающим несравненно хуже, чем прежде, москвичом Романом Виктюком). Но они могли появиться в соседстве с совершенно невразумительными работами и... блистать на афише сезона, как яркая заплата на ветхом рубище. О возможностях театра лучше всего судить по нижней границе, по тому уровню, ниже которого он не позволяет себе опуститься. Сейчас и этот уровень вполне приемлем.

Собственно говоря, есть критерии, по которым спектакль-лидер, спектакль-событие отличается от обычной, добротной средней работы. В рядовом спектакле всегда можно выделить сильные актерские работы. В спектакле высокого уровня прежде всего есть ансамбль (и внутри этого ансамбля — свои «звезды»). И хотя, кажется, «звезде» проще выделиться на посредственном фоне, выигрывает она от хорошей игры партнеров. Скажем, народная артистка республики Тамара Солодникова очень ярка в роли директора дома отдыха

для высокого начальства в комедии Э. Брагинского «Лакейские игры» — и здесь ей есть на чьем фоне выделяться, потому что в этом спектакле (и, кстати, в этом смысле он — исключение сезона!) есть даже отдельные актерские работы, проникнутые низкой культурой и дурным вкусом, а в «Тартюфе», где она играет совсем невыигрышную роль — г-жи Пернель, — хороши все без исключения. Но Солодникову куда интереснее именно в Мольере, потому что весь спектакль пронизан безудержной театральной фантазией, он почти всюду (за исключением несколько затянутого и тяжеловесного вступления) изыскан и невесом, в нем есть качество, почти исчезающее из нашего обихода (разумеется, не только театрального), — легкость дыхания.

Вообще, как мне кажется, весь сезон театр учился обретать эту легкость дыхания. Эту свободу, без которой искусство всегда оказывается плоско назидательным, грубо конъюнктурным, пошлым... Свободу как от необходимости служить навязанным сверху лжеистинам, так и от «либерального террора», и от прими-

тивной коммерциализации. Скажем, в «Коте домашнем...» театр: зло, весело и с тем чувством собственного превосходства, которое исключает мелочную мстительность, освобождался от идеологических идолов соцреализма (а трогательный герой трагикомедии Войновича и Горина, писатель Рахлин, сыгранный Херардо Контерасом, проходил в этом спектакле путь от «Homo soveticus» к гоголевскому «маленькому человеку»). В «Прикосновениях и слияниях» избавлялся от примитивного понимания эротики, находя ее возвышенную суть (по крайней мере, ища ее). В «Лолите», поставленной по инсценировке скандального романа в мировой литературе 50-х годов, шел на конфронтацию с расхожим зрительским представлением о том, что раз «Лолита» — значит, такая порнуха, что чертям тошно! И Борис Трошкин в роли XX играл не сластолюбивого маньяка, а Великого грешника, пленника собственных страстей, напоминающая Набоков — не автор модного бестселлера, а законный наследник великой русской литературы. Наконец, в «Тартюфе» театр освобождался от самой, конеч-

но, благородной по идее, но уже скрывающей традиции играть в этой пьесе не Мольера, а комплекс идей, питающийся из булгаковской книги и пьесы о Мольере, не «Тартюфа», а то, что в нашем сознании окружает эту пьесу. И оказалось, что «Тартюф» — очень легкая и изящная вещь, и ее можно играть как бы не вполне всерьез — и вместе с тем не компенсируя эту несерьезность привнесенными извне комментариями...

Наконец, сезон был примечателен и тем, что в течение года вышли три постановки классики (Марииво, Мольер и «На всякого мудреца довольно простоты» Островского), неоклассическая «Лолита» и будущая классика Войновича и Горина. А ведь сколько сезонов в афише доминировала советская «социальная» драматургия и веселые, но не первой свежести импортные шлягеры...

В этом сезоне Михайлов собирается ставить Чехова. Линия продолжается.

Р. КЛООСТЕР.